

СЛОВО

НА ПАСХУ ТРЕТЬЕЙ НЕДЕЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Если бы намъ съ вами, братіе, суждено было промысловъ Божиимъ во время крестной смерти Спасителя, нынѣ нами воспоминаемой, быть въ Іерусалимѣ, то гдѣ, въ какой группѣ людей (полагаете вы) очутились бы мы въ тѣ великія и страшныя минуты?

Задавали ль вы когда либо подобный вопросъ себѣ?

А мнѣ часто, и съ неотвязчивою силою, представляется оны, когда при чтеніи евангельскаго повѣствованія предъ моимъ воображеніемъ проходятъ разныя группы людей, сошедшихся въ Іерусалимѣ и принимавшихъ прямое или косвенное участіе въ великомъ событіи, устроенномъ правдою Божіею для нашего спасенія. и когда мысль моя, увлеченная живою евангельскою повѣстію, пудитъ меня перенестись въ святой городъ со всею, окружающею, насъ, современностію.

Къ кому жъ бы мы пристали тогда?

Мы, конечно, не были бы въ числѣ старѣйшинъ іудейскихъ, по зависти и ослѣпленію доведшихъ до смертной казни величайшаго Праведника, подъ предлогомъ радѣнія объ общественномъ благѣ. Уже наше скромное общественное положеніе не позволило бы намъ стать въ ряды тѣхъ, которые, стоя во главѣ народа и блюди законъ, требовали погибели Лица, представляемаго ими опаснымъ для обще-

ственного спокойствія. Не думалъ бы я искать кого либо изъ васъ въ толпѣ тѣхъ клеветовъ сонмища іудейскаго, которые, сопровождая связаннаго Господа Иисуса изъ двора архіереова во дворъ Пилата, по наущенію старѣйшинъ іудейскихъ, кричали: *возми, возми, распни ея не ея отпусти, но Варавву*. Мы не привыкли ходить по дворамъ судей и правителей и быть предъ ними слѣпыми орудіями чужой, и еще болѣе, преступной воли. Не были бы мы въ ряду воиновъ, исполнявшихъ приговоръ суда надъ Спасителемъ, и при этомъ исполненіи ругавшихся надъ Нимъ, облакавшихъ его терновымъ вѣнцемъ, наносившихъ Ему бичеванія и заушенія. Наша природа не настолько загрубѣла, чтобы мы позволили себѣ своими дѣйствіями увеличивать страданія человѣка, ожидающаго исполненія надъ собою смертнаго приговора. Не смѣю предположить и напротивъ, чтобы мы, изъ участія къ Страдалцу, приблизились къ самому кресту Его, въ намѣреніи слезою любви облегчить раны Его сердца, посмотреть на дорогой ликъ Его и услышать отъ Него послѣдніе завѣты его души,—подобно божественной Его Матери, подобно возлюбленному ученику Его и нѣсколькимъ женамъ галилейскимъ, преданнымъ Ему до самоотверженія. То дѣлать могли одни сродники Его, одни избранные изъ избранныхъ. Было бы самообольщеніемъ съ нашей стороны присвоить себѣ такое участіе къ Господу, когда разбѣжались и двѣнадцать всегдашнихъ слугниковъ Его, и когда отсекся отъ Него мужественнѣйшій изъ нихъ Петръ.

Гдѣ же намъ искать самихъ себя?

Братіе! Въ ряду лицъ, выводимыхъ евангеліемъ, есть одна группа, къ которой я невольно приговываюсь вниманіемъ, когда соображаю, гдѣ бы для насъ было мѣсто, если бы мы явились на стогнахъ іерусалимскихъ во время совершенія на крестѣ недовѣдомой намъ тайны нашего спасенія. Это группа простыхъ зрителей, которые явились у Голгофы, увлеченные любопытствомъ или общимъ народнымъ движеніемъ, или приведенные сюда случайно; это тѣ *мимоходящіи*,

о которыхъ не опустило упомянуть евангеліе, посвященное изображенію страстей Господнихъ. Они были въ сторонѣ отъ дѣла, не принимали никакого участія въ казни праведника, а только издали смотрѣли на позоръ сей. Но евангелисты, упоминая объ этомъ множествѣ мимоходящихъ зрителей голгоѣскаго событія, не съ хвалою, а съ укоризною говорятъ объ ихъ поведеніи. По свидѣтельству евангелистовъ, мимоходящіе хулили или злословили Распятаго, кивали головами своими и говорили: *уа, разоряй церковь и трети денми созидай: спасися самъ, и снуди со креста* (Мр. XV, 29). Не грѣша дѣломъ, они грѣшили словомъ. Въ толпѣ слышались разные толки и пересуды: они не имѣли никакой опредѣленной цѣли, а были выраженіемъ естественнаго чувства, наполнившаго сердце каждаго, но въ этомъ выраженіи слышалось не состраданіе, а скорѣе осужденіе. Заявлялись обманутыя надежды, возбужденныя великою дѣятельностію необыкновеннаго Учителя; припоминались слова и дѣла Его, стояція въ видимомъ противорѣчій съ страшною дѣйствительностію. Объ Немъ судили впрямь и вкось, и надъ головами безучастной къ дѣлу толпы поднимались къ небу сотни звуковъ, которые не составляли пріятнаго концерта для божественнаго слуха.

Вотъ гдѣ, по моему разумѣнію, было бы мѣсто напе!

Можетъ быть, я ошибаюсь, говоря такъ рѣшительно. Прошу вашу любовь простить моей ошибкѣ. Я желаю вѣрить, что между вами есть избранныя души, на которыя Господь воззрѣлъ бы со креста съ такою же любовію, съ какою воззрѣлъ Онъ на того ученика, попеченію котораго поручилъ Онъ въ послѣднія минуты Матерь свою. Но Богу, одному Богу извѣстны эти избранныя души. Когда же я думаю не объ этихъ избранныхъ душахъ, а о всемъ множествѣ, составляющемъ наше собраніе, я вижу, что кивающіе главами своими и хулящіе зрители жестокой казни великаго Праведника люди нашего удѣла, и мы не можемъ отказаться отъ родства съ ними.

Болѣзнь языка, замѣченная у нихъ,—и наша общая слабость, не могущая не поражать взора нашего наблюдателя. И если мы назовемъ ее не жесткимъ именованьемъ злословія, а просто людскими пересудами, вы, не стѣсняясь, скажете, что вѣдемъ намъ она слишкомъ знакома.

Въ самомъ дѣлѣ, войдите въ собраніе, куда васъ звали для бесѣды и для развлечения. О чемъ толкуютъ тамъ? Не услышите вы осмотрѣться въ немъ, какъ услышите, что въ немъ судятъ и рядятъ то того, то другаго вашего ближняго,—и вы сами невольно увлекаетесь общимъ потокомъ, и начинаете вмѣстѣ съ другими перебирать слабости своего собрата или своей сестры. И вотъ общими усиліями изыскиваются и выставляются на видъ вольные и невольные недостатки нашихъ знакомыхъ. Однихъ судятъ за то, что Богъ создалъ ихъ не такъ красивыми, какъ бы мы желали, другихъ за то, что они одѣваются бѣдно или не по нашему вкусу, у третьихъ измѣряютъ умъ и находятъ его не достагающимъ выставяемой мѣрки, у четвертыхъ бранятъ неспособный и неприятный характеръ, у пятыхъ находятъ ошибки и погрѣшности въ дѣлахъ, нечистоту и своекорыстіе въ стремленіяхъ, грубость и неумѣлость въ обращеніи и прочее, и прочее.—И если кому либо изъ насъ случится наглядно проступиться въ словѣ или дѣлѣ, съ какою жадностію злая молва бросается на нашъ проступокъ, какъ хищный голодный звѣрь на попавшуюся добычу, и быстрѣе вѣтра несетъ его по нашимъ улицамъ и гостиннымъ. И не суровыя только уста, зачерствѣлыя отъ лѣтъ, упражняются въ такихъ пересудахъ: имъ вторять, а иногда ихъ предупреждаютъ и имъ даютъ топъ и нѣжныя юныя уста, повидимому, созданныя для словъ ласки и любви.

И никто не думай сокрыться отъ стрѣлъ злословія. Сто самыхъ пронизательныхъ глазъ имѣетъ оно: оно проникаетъ въ отдаленные углы кабинетовъ, выноситъ наружу святыню семейныхъ тайнъ, читаетъ въ сокровенныхъ глубинахъ сердца человѣческаго, и съ самоувѣренностію влагаетъ въ душу

другаго мысли и желанія, какихъ онъ и не ощущалъ. Вооружись нашъ ближній скромностію, чистотою, цѣломудріемъ и другими добродѣтелями, будь ущедренъ всеми дарами благодости Божіей: злословіе найдетъ пяту, въ которую можно уязвить неуязвимаго. Даже болѣе, чѣмъ выше человѣкъ, чѣмъ чище онъ, чѣмъ достойнѣе въ какомъ либо отношеніи, тѣмъ больше мѣтитъ въ него своими стрѣлами злословіе. Какъ тѣнь за тѣломъ, оно слѣдуетъ за добрымъ именемъ, и хочетъ чернить не тѣхъ, которые не имѣютъ никакого свѣта, живя въ темной долѣ, а тѣхъ, чья честь ярко блеститъ среди общества и возбуждаетъ къ себѣ вниманіе. Нашло оно пѣчту для своего осужденія и въ томъ, въ комъ не было никакого пятна и порока. Его ли изобрѣтательности не найти нищи для себя въ дѣлахъ обыкновенныхъ смертныхъ? Поднимите какой угодно чистый образъ человѣческой: злословіе съумѣетъ найти въ немъ недостатки, которые тотчасъ же противопоставитъ его достоинствамъ, съумѣетъ умалить его высокія дѣла, съумѣетъ подыскивать нечистыя побужденія для его добрыхъ дѣяній. Начнетъ распространяться слава какого либо благотворителя: злословіе станетъ отнимать у него заслугу, указывая на то, что его богатство досталось ему даромъ,—станетъ судить его за неразборчивый способъ благотворенія, и къ дѣлу и не къ дѣлу будетъ выражать сожалѣніе, что благотворитель не столько уменъ сколько богатъ и пожалуй добръ. Видно будетъ чье либо благочестіе: у злословія оно явится ханжествомъ; злословіе подмѣтитъ у ревнителя благочестія грѣхи, присущіе всякому смертному, которые нарочито выставитъ на показъ, чтобы положить тѣнь на чужое доброе имя. Будутъ хвалить кого либо за ясный и свѣтлый умъ: злословіе найдетъ, что это умъ или бесплодный или трудится не такъ и не надъ тѣмъ, какъ и надъ чѣмъ бы слѣдовало, а пожалуй не замедлитъ противопоставить достоинствамъ ума недостатки воли или характера.

Можетъ быть, вамъ кажется не предосудительною такая забава языка, карающая добрымъ именемъ ближняго,

при которой честь другаго перебрасывается изъ стороны въ сторону, какъ легкій безчувственный мячикъ. Это невинное время-препровожденіе, представляютъ иные, при которомъ мы находимъ для себя пріятное развлеченіе, дѣлимое съ своими собесѣдниками разумными наблюденіями, и осуждаемо-му не наносимъ существеннаго вреда, такъ какъ обыкновенно произносимъ свое осужденіе объ отсутствующихъ. Но такъ кажется только на поверхностный взглядъ. Лишь только съ большимъ вниманіемъ вы обратитесь къ этому явленію,—съ него снимается покровъ невинности.

Если наши пересуды и—пустыя слова для развлечения, не имѣющія вредной цѣли, то и за эти праздныя слова, по ученію евангелія, мы воздадимъ отвѣтъ Богу въ день судный. Но это сказать мало.

Слово не пустой звукъ: оно выходитъ изъ внутреннихъ помысловъ и расположеній сердца и служить обыкновенно зеркаломъ души. Что же? Какое сердце обнаруживается въ словахъ осужденія, которыя подобно терніямъ или колючимъ растеніямъ впиваются въ чужую славу? Мы не думаемъ, чтобы ихъ подсказывали намъ добрые духи, гнѣздящіеся въ глубинѣ нашего сердца. Вѣдь вы, положивъ руку на сердце, не будете утверждать, что это любовь и вниманіе къ брату, что это ревность по правдѣ поднимаетъ вашъ языкъ на осужденіе и заставляетъ васъ выставять на видъ чужіе недостатки. Нѣтъ, это самолюбіе, зависть, зложелательство, стремленіе унижить другаго, фарисейское тщеславіе и прочая свита темныхъ и мелкихъ страстей, населяющихъ нашу душу, ворочаютъ языкомъ нашимъ, какъ своимъ орудіемъ, когда съ него неудержимою струею текутъ слова осужденія. У насъ нѣтъ желанія исправлять своего ближняго, когда въ своихъ взаимныхъ бесѣдахъ мы громко говоримъ о его недостаткахъ или выражаемъ недовольство его достоинствами; потому что мы стараемся, чтобы онъ и не зналъ того, какъ мы судимъ о немъ. Мы часто не мо-

жемъ и прикрыться указаніемъ на это желаніе; потому что нашему осужденію подпадаютъ не только вольные, но и невольные недостатки нашихъ ближнихъ, зависящіе не отъ нихъ, а отъ Бога и отъ природы! Мы просто удовлетворяемъ дурнымъ стремленіямъ своей грѣховной природы, когда даемъ волю своему злему языку. Премудрый *пещью злобы* называетъ того человѣка, который грызетъ уста свои (Притч. XVI, 30), и это постоянное грызеніе устень, какому предается на нашихъ глазахъ тотъ или другой человѣкъ,—громкое свидѣтельство того, что у него недоброе, скудное любовію, сердце.

Но если бросаются въ глаза недостатки нашего ближняго (скажете вы),—отъ чего не назвать ихъ, отъ чего не указать ихъ другому? Братіе! Недостатки, и недостатки болшіе, есть у каждаго изъ насъ. Но приличіе и любовь требуютъ, чтобы мы прикрывали слабости своего ближняго, а не разглашали объ нихъ на перекресткахъ, не насмѣхались надъ ними подобно Хаму, заслужившему за это себѣ и потомству проклятіе отъ Бога и отца своего. Припомните, кто открылъ потокъ злословія въ исторіи рода человѣческаго,—это тотъ древній человѣкоубійца, который позавидовалъ невинности нашихъ прародителей въ раю, и сталъ хулить Бога, давшаго намъ заповѣдь,—хулить съ тѣмъ, чтобы довести насъ до изгнанія изъ рая. И мы похоти его творимъ, когда продолжаемъ пересудливую бесѣду, имъ хитро начатую.

Грѣша противъ любви въ своихъ пересудахъ, какими пересыпаются наши ежедневныя бесѣды, не грѣшимъ ли мы и противъ разума? Между нами всегда найдутъ охотныхъ слушателей люди, умѣющіе острымъ словомъ задѣть другаго и посмѣяться надъ его слабостями, и такіе острые люди считаются украшеніемъ нашихъ бесѣдъ и обществъ. Но каждая вещь имѣетъ свою обратную сторону. Первая обязанность разумнаго существа знать себя самаго, обращать

главное вниманіе на то, что въ немъ, а не на то, что виѣ его и дальше отъ него. На знамени, врученномъ намъ вмѣстѣ съ разумомъ, еще древніе, сидѣвшіе въ тѣмъ языческаго невѣдѣнія, читали надпись: „познай самаго себя“. Въ исполненіи этой обязанности они видѣли наше главное преимущество предъ другими земными твореніями. А мы какъ разъ поступаемъ прямо противъ этой первой обязанности разумнаго существа: отлично знаемъ и перебираемъ другихъ, и ничего не видимъ за собою. По древнему образу, мы носимъ на себѣ два короба: одинъ большой, въ которомъ сокрыты наши собствєнные слабости и прегрѣшенія, а другой маленькій, куда мы кладемъ все, что замѣчаемъ дурнаго у другихъ. Первый у насъ назадъ, и какъ ни тяжелъ онъ, мы какъ будто не чувствуемъ его тяжести и не подозреваемъ его существованія. А второй всегда у насъ предъ глазами, и мы всегда безъ всякаго стѣсненія раскрываемъ его передъ всѣми. Если бы къ намъ явился человекъ изъ другаго міра, незнакомый съ нашими правами, и послушалъ наши осудливыя рѣчи,—на первый разъ онъ подумалъ бы, что мы такіе честные, умные и достойные люди, какихъ со свѣчею поискать въ сумракъ міра, что въ насъ нѣтъ пятен и порока, сознаніе котораго стѣсняло бы нашъ языкъ, неудержимо колющій другихъ. Но между нами одинъ фарисей, осужденный на вѣчныя времена судомъ Божиимъ, можетъ говорить о себѣ, что онъ не похожъ на прочихъ людей,—хищниковъ, неправедниковъ, прелюбодѣевъ. При ближайшемъ знакомствѣ съ нами нашъ воображаемый сожитель изъ другаго міра увидалъ бы въ насъ тѣже недостатки, какіе мы осуждаемъ въ другихъ, и онъ подивился бы намъ, пожалѣлъ бы о нашей невнимательности къ себѣ, и подумалъ бы, что зрѣніе наше слѣпо и такъ извращено, что видитъ одно чужое и отдаленное, и не видитъ того, что у насъ подъ ногами. Народный разумъ подмѣтилъ въ природѣ явленіе, что пустая бочка, когда везуть ее, гремитъ гораздо больше, чѣмъ наполненная водою или чѣмъ либо

другимъ, и указавъ назидательное приложеніе этого явленія къ міру нравственному. Постоянно раскрытыя уста, издающія несдержанные звуки,—для него подозрительное свидѣтельство внутренней скудости той головы, которой они служатъ. Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, полный разума, не будетъ громогласно и неосторожно кричать предъ всѣми, когда замѣтитъ слабости своего собрата: онъ сдерживаетъ свои уста и словамъ своимъ даетъ вѣсъ и мѣру. Мы знаемъ одного языческаго философа, чтимаго и христіанскими отцами, который, когда видѣлъ брата своего, дѣлающаго что либо непристойное, не спѣшилъ осуждать его, а отходилъ въ сторону, и испытывалъ самаго себя, нѣтъ ли у него чего похожаго на дѣло, вызывающее осужденіе. Вотъ кому слѣдуетъ подражать намъ! Если для васъ нуженъ примѣръ болѣе священный,—послушайте Екклезіаста или премудраго Соломона. По его словамъ, только *безумный умножаетъ словеса* (Еккл. X, 14), и потому совѣтуетъ онъ каждому изъ насъ: *не скорѣ буди усты твоими, и сердце твое да не ускоряетъ износить слово предъ лицемъ Божиимъ.. Яко приходитъ соніе во множество попеченія, тако и гласъ безумнаго во множество словесъ.. Не даждь устамъ твоимъ еже во грѣхъ ввести плоть,.. да не промѣвается Богъ о гласъ твоимъ* (V, 1, 2. 5), и когда идешь въ домъ, будь готовъ скорѣ слушать, чѣмъ приносить въ пустыхъ словахъ жертву безумныхъ, потому что они не знаютъ, что дѣлаютъ зло (IV, 17).

Ведя пересудливыя бесѣды, чуждыя духа любви и не высокія по разуму, мы считаемъ ихъ дѣломъ безвреднымъ, и мало думаемъ о послѣдствіяхъ, какія отсюда происходятъ. Напрасно! Мысль объ этихъ послѣдствіяхъ могла бы сдерживать не одинъ скорый языкъ.—Осуждая ближняго, мы дѣлаемъ посягательство на его доброе имя. А имя доброе важнѣе богатства многоаго; своимъ злымъ языкомъ мы можемъ нанести своему брату гораздо больше вреда, чѣмъ тать, похищающій часть его богатства. И это не наше сравненіе, а премудраго сына Сирахова (Сир. XX, 25). Слово-ка-

мень, брошенный въ воду: брошенный случайно, онъ скрылся въ пучинѣ водной; но его паденіе произвело волненіе воды, и образовало круги, которые, расширяясь, идутъ далѣе, и мы не знаемъ, гдѣ конецъ этому волненію. А на взволнованной поверхности неспокойно носится и погружаются въ воду тѣ невинныя вещи, которыхъ задѣло это волненіе. Екклезіастъ, наблюдая явленія, видимыя подѣ солнцемъ, замѣтилъ здѣсь множество слезъ оклеветанныхъ, и поразился тѣмъ, что ихъ давить крѣпость руки клеветущихъ, и нѣтъ имъ утѣшающаго (Еккл. IV, 1). Вотъ личность добрая, привлекающая къ себѣ вниманіе, украшенная невинностію и чистотою. Невинность и чистота главное ея богатство; въ нихъ основаніе надежды на будущее счастье. Но не злой, а просто острый языкъ дерзаетъ смѣяться надъ этимъ украшеніемъ человѣка, срывать его. Онъ случайно бросаетъ что либо недоброе въ честное имя: изъ случайнаго намека рождается тѣнь подозрѣнія; на другой день она сгущается,—и вотъ счастье, носившееся надъ нимъ и приближавшееся къ нему, отогнано отъ него сначала неосторожнымъ шепотомъ, а потомъ пустою и громкою болтовнею. Вотъ трудится человѣкъ на какомъ либо поприщѣ безкорыстно, самоотверженно, и много добра можно бы ожидать отъ него тому обществу, которому онъ служить. Но завистливое злословіе придирается къ его случайнымъ ошибкамъ и увеличиваетъ ихъ, заподозрѣваетъ чистоту его намѣреній, осуждаетъ его мѣропріятія, какъ пемѣлыя и бесполезныя. И подрывается довѣріе къ полезному труженику: онъ колеблется на своемъ мѣстѣ, и потомъ замѣняется другимъ, менѣе честнымъ и менѣе достойнымъ.

А сколько ссоръ, непріятностей и смуть отсюда! Вы заглазно высказали невыгодное мнѣніе о другомъ; но не думайте, что вашъ дурной отзывъ о немъ при васъ останется. *Птица небесная возвьститъ ему гласъ твой*, и крылатое насѣкомое *возвьститъ слово твое* (Еккл. X, 20). Осуждаемый вами начинаетъ сердиться на васъ; въ немъ возбуждается чувство мщенія,—и нарушенъ тихій, можетъ быть, давній

миръ, какой былъ у него съ вами, и отъ одного пустаго слова выходитъ длинная неприятная исторія. Обратитесь къ вашему собственному опыту. Скажите, отъ чего у васъ разорвалась дружба съ тѣмъ или другимъ вашимъ пріятелемъ, казавшаяся такъ крѣпкою, и замѣнилась враждою? Не отъ того ли чаще всего, что тотъ или другой вашъ знакомый гдѣ нибудь дурно отзывался о васъ, старался набросить на васъ какую либо тѣнь, взводилъ на васъ небылицы? И это исторія не ваша только, а и моя, и всѣхъ, подлѣ васъ стоящихъ.

Въ концѣ всего къ намъ самимъ возвращаются, на насъ обращаются тѣ стрѣлы, какія мы бросаемъ на другихъ. По волѣ Божіей, законъ отраженія или праведнаго возмездія удивительное приложеніе находятъ въ нашей духовной жизни. На него указалъ Господь и Спаситель нашъ, когда говорилъ: *не судите, да не судимы будете. Имже бо судомъ судите, судятъ вамъ: и въ нюже мърю мърите, возмърится вамъ. Чтоже видиши сучецъ, иже во оцъ брата твоего, бервнаже, сже есть во оцъ твоємъ, не чуеши?.. Лице мре, изми пердѣе всего бервно изъ очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего* (Мѣ. VІІ, 1—3. 5). На него указываетъ апостоль Павелъ, когда называетъ безотвѣтнымъ всякаго чело-вѣка, судящаго другихъ: *ибо тѣмъ же судомъ* (говоритъ апостоль), *какимъ судиши друаго, осуждаешъ себя; потому что, судя друаго, дѣлаешъ тоже. И мы знаемъ, что поистинѣ есть судъ Божій на дѣлающихъ такія дѣла* (Рим. II, 1—2). Мы могли бы привести множество примѣровъ исполненія надъ нами этого закона. Но чувствуемъ, что время положить конецъ слову, уже безъ мѣры распространившемуся.

Не можемъ впрочемъ воздержаться, чтобы не напомнить вамъ прекраснаго урока о нашемъ предметѣ, какой мы читаемъ у св. апостола Іакова. *Языкъ* (говоритъ апостоль) *небольшой членъ, но много дѣлаетъ. Посмотри, небольшой огонь какъ много вещества зажигаетъ. И языкъ огонь, прикраса неправды .. Всякое естество звѣрей и птицъ, пресмыкающихся и*

морскихъ животныхъ укрощается и укрощено естественномъ чело-
веческимъ. А языкъ укротить никто изъ людей не можетъ: это
неудержимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго яда. Имъ благо-
словляемъ Бога и Отца, и имъ проклинаемъ человѣковъ, сотво-
ренныхъ по подобію Божию. Изъ тѣхъ же устъ исходитъ бла-
гословеніе и проклятiе: не должно, братія моя, сему такъ быть
(Іак. III, 5—10). Апостолъ совершеннымъ называетъ того
человѣка, кто не согрѣшаетъ въ словѣ (III, 2).

Какъ же быть намъ, бр., чтобы укротить въ себѣ не-
удержимое зло, и если не быть совершеннымъ, то по край-
ней мѣрѣ хотъ нѣсколько приблизиться къ тому совершен-
ству, какое указываетъ апостолъ? Будемъ, во-первыхъ, смо-
трѣть на себя и на свои слабости, а не на слабости дру-
гихъ, и себя испытывать, а не ближняго своего. Слово осуж-
денія тотчасъ же смолкнетъ, какъ скоро совѣсть наша жи-
во будетъ представлять намъ, что и у насъ есть тѣ недо-
статки, за какіе нашъ языкъ порывается колоть другихъ.
Будемъ, во-вторыхъ, пріучать себя искать у другихъ добра-
го, а не худаго, и если нѣчто стропотное усмотримъ у нихъ,
будемъ стараться, подобно благословеннымъ Симу и Іафе-
ту, прикрывать и извинять это, а не выставлять на смѣхъ
безъ нужды, и когда начнется у другихъ осудливая бесѣ-
да, будемъ смягчать ее словомъ одобренія и извиненія осуж-
даемымъ. Въ-третьихъ, признавая зло великимъ и неудер-
жимымъ, въ молитвѣ, по указанію церкви, будемъ искать
оружія противъ него. Въ настоящіе дни поста и покаянія
св. церковь не одну молитву влагаетъ въ уста наши, какъ
лекарство противъ нашего больнаго и неисцѣльнаго языка.
Покорные ея материнской заботливости о насъ, будемъ ча-
ще и чаще молить Бога *положить храние устомъ* нашимъ,
и дверь огражденія о устнахъ нашихъ,—удалить отъ насъ
духъ празднословія, и даровать намъ зрѣть *наша прегрѣшенія*
и не осуждать брата нашего. Аминь.

В. Пльницкій.